

УДК 329.3–029.81

**ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ФАКТОРАХ
И ПРИЧИНАХ РАДИКАЛИЗАЦИИ В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ**

Н.С. Эсенаманова

Анализируется общественное мнение в отношении основных факторов и причин радикализации в религиозной сфере.

Ключевые слова: радикализация; экстремизм; внутренние и внешние факторы радикализации.

**PUBLIC OPINION ON THE FACTORS AND CAUSES
OF RADICALIZATION IN THE RELIGIOUS SPHERE**

N.S. Esenamanova

In this article the public opinion concerning key factors and the causes of radicalization in the religious sphere is analyzed.

Keywords: radicalization; extremism; internal and external factors of radicalization.

Одной из актуальных тем на сегодня является борьба с терроризмом и экстремизмом, ИГИЛ, вербовка рекрутов на джихад в Центральной Азии и Кыргызстане. На сегодняшний день более 500 кыргызстанцев отправились в Сирию воевать в рядах ИГИЛ, в их числе женщины и дети, имеются даже семьи. В глобальном рейтинге терроризма из 162 стран Кыргызстан занял 86 место, ухудшив прежний результат на 26 позиций. В 2014 г. республика значилась 112 в списке из 160 государств. Глобальный индекс терроризма 2015 г. был рассчитан специалистами Института экономики и мира совместно с коллегами из Мэрилендского университета (США). Глобальный индекс измеряет уровень террористической активности внутри той или иной страны по четырем основным показателям: количество инцидентов, число погибших, пострадавших и уровень материального ущерба. Кроме того, при составлении индекса анализируются и другие факторы, которые могут быть косвенно связаны с террористической деятельностью. Данный индекс распределяет места в обратном порядке, т. е. первое место занимает страна с самым высоким уровнем терроризма. Последнее место занимают страны с самым низким уровнем [1, с. 8].

В этой связи религиозная ситуация в КР со стороны некоторых экспертов оценивается как сложная, требующая принятия срочных мер, идет массовая радикализация населения, высказывается

необходимость запрета “нетрадиционных” религиозных движений, организаций, особенно касающихся ислама. В основном такой точки зрения придерживаются бывшие и действующие сотрудники силовых и правоохранительных структур [2], некоторые эксперты, часто такого рода высказывания можно услышать и от некоторых государственных чиновников, политиков [3].

Существует и другое прямо противоположное мнение о радикализации в регионе. Некоторые местные и зарубежные исследователи, эксперты считают, что опасность исламского экстремизма в регионе Центральной Азии преувеличивается. Так, Дж. Хедешоу и Д. Монгомери фактически ставят под сомнение факт радикализации ислама в регионе и влияние исламского фундаментализма, отмечается, что это существенно преувеличивается. А также исламизация воспринимается как радикализация. В целом, частично соглашаясь с этим мнением, трудно отрицать существование в регионе подпольных радикальных организаций [4, с. 6].

Для выяснения общественного мнения и оценки текущей религиозной ситуации было проведено социологическое исследование в тех регионах, где больше всего зафиксировано случаев выезда в зону боевых действий в Сирию. Основной базой исследования стало изучение и стремление услышать мнение респондентов, проживающих в проблемных зонах. Социологическое исследование [5]

проведено по заказу Государственной комиссии по делам религии КР при финансовой и технической поддержке ПРООН. Основными методами исследования были качественные и количественные. Было проведено 1200 анкетирований, 34 интервью и 12 фокус-групповых дискуссий во всех 7 областях республики.

В рамках данного исследования одной из задач было определение общественного мнения, оценки по вопросам факторов, причин радикализации в тех регионах, где чаще всего сталкиваются с этой проблемой. Для этого был поставлен так называемый открытый вопрос: “Как Вы думаете, в чем проявляется радикализация в религиозной сфере?”, которому не сопутствовали альтернативы, и респонденты должны были написать свое мнение самостоятельно.

Анализ ответов респондентов на открытый вопрос показывает, что больше всего их волнуют следующие вопросы: Непонимание религии, недостаточность знаний по религии – 14,4 % (167), которое ведет к заблуждениям верующих. Вербовка в Сирию, Пакистан, Афганистан – 14,2 % (164). Переход в другую религию, секту – 12,3 % (143). Ношение хиджаба, *мусульманской бороды* – 9,1 % (105). Экстремизм, терроризм – 5,3 % (62). Слабый контроль государства в религиозной сфере – 3,4 % (39). Другое – 12,4 % (144).

Эти данные продемонстрировали самые актуальные тренды в развитии современной религиозной ситуации в Кыргызской Республике. Ответы респондентов показывают существование негативного стереотипного восприятия по отношению к внешним проявлениям религиозности (хиджаб, борода) и прозелитизма. Ношение хиджаба, мусульманской бороды и прозелитизма наряду с экстремизмом и терроризмом считаются признаком и причиной радикализации.

Респонденты также назвали одной из основных причин радикализации непонимание религии, недостаточность знаний по религии. Следует отметить, что более всего опрошенных респондентов волнует вопрос вербовки наших граждан в Сирию, Пакистан, Афганистан. Вербовка в Сирию волнует больше всего 39,6 % (86) жителей Ошской области, где были зафиксированы наибольшее число выездов в зону боевых действий. Кроме этого, 21,7 % (15) респондентов Нарынской области и 20,3 % (12) респондентов Таласской области назвали одним из проявлений радикализации ношение хиджаба и мусульманской бороды. Представители юга страны 28,1 % респондентов Ошской области одним из проявлений радикализации в религиозной сфере отметили переход в другую религию, секту (прозелитизм).

Большинство участников фокус-групповых дискуссий (ФГД) (учителя, представитель НПО, медработники и др.) отвечали, что цель радикальных исламистов – построить халифат, исламское государство, все будут жить по шариату и т. д. Попытка создания такого государства они видят на примере Сирии со стороны ИГИЛ. Участники ФГД видят радикальный ислам в выезде граждан КР в Сирию и требуют, чтобы их не принимали обратно. Здесь явно видно действие закона о лишении бывших боевиков гражданства КР. Большинство участников ФГД правильно интерпретируют сущность радикализма и экстремизма, объясняя, что радикализм может быть в сознании, а экстремизм – это уже насильственные действия. На вопрос “Есть ли в Кыргызстане экстремизм?” все участники ответили “Нет”. (ФГД № 1). Большинство участников ФГД № 4 отмечают, что радикализм означает переход за рамки, нарушение границы какого-то явления, поступков и т.д. Эксперты полагают, что главной целью радикалов являются свержение конституционной власти и построение халифата для мусульман, установление высшего шариатского закона и чистой веры (Инт. № 9, № 23).

Для выявления понимания и определения экстремизма со стороны респондентов был поставлен вопрос “Как Вы понимаете экстремизм?”

Под экстремизмом большинство респондентов понимают использование религии в корыстных целях – 58,8 % (696). Экстремизм также понимается у 48,3 % (572) респондентов как “достижение целей насильственными методами”. Экстремизм определяется как “использование религии в политических целях” у 31,1 % (368) опрошенных респондентов. 22,1 % (262) респондентов считают, что экстремизм – это “призывы к насильственной смене власти”. Экстремизм характеризуется как “Использование религии в оправдании насилия” у 19,8% (243) респондентов. 2,9% (34) респондентов не знают, что представляет из себя экстремизм.

Данные указывают на то, что подавляющее большинство респондентов отделяют религию от экстремизма. Ключевыми характеристиками экстремизма определены насильственные действия, методы, направленные для достижения политических целей. Восприятие и определение экстремизма у респондентов тесно связано с пониманием религии как сакрального, чистого, которое запрещается использовать в своих личных корыстных целях.

Респонденты из целевой группы правоохранительных и государственных органов определяют “радикализацию” и “экстремизм” и их проявления исходя из специфики их профессиональной

деятельности и официальных определений. Радикализацию они видят в сознании, а экстремизм в противоправных и других радикальных действиях. Сначала возникает радикализация, а затем она может привести к экстремизму.

Респонденты из целевой группы имамов понимают радикализм как призывы, крайность, а экстремизм как применение силы, военизированные группы не относящиеся к мусульманам, а также как стереотипное понятие, применяемые по отношению к мусульманам. (Инт. № 14, Инт. № 16, Инт. № 23, Инт. № 30).

Респондент из академического сообщества считает, что “радикализм” – это западный термин, означающий “крайность”. “Если кто-то навязывает человеку платок, бороду, намаз, то это уже радикализм. “Экстремизм” – это второй этап радикализации, когда человек не носит платок, бороду и не читает намаз, то его объявляют кафиром, и не мусульманином, – это и есть один из этапов экстремизма”. (Инт. № 21). Значительная часть участников ФГД правильно интерпретируют сущность радикализма и экстремизма, объясняя, что радикализм может быть в сознании, а экстремизм – это уже насильственные действия.

В целом понимание “радикализма” и “экстремизма” у респондентов из всех целевых групп на высоком уровне и исходит из официальных определений.

Для изучения оценок внутренних причин экстремизма с точки зрения респондентов был поставлен вопрос о том, каковы внутренние причины экстремизма в религиозной сфере. По данному вопросу был заявлен значительный список предполагаемых внутренних причин экстремизма в нашей стране состоящий из 11 альтернатив.

Исходя из ответов респондентов, главной внутренней причиной экстремизма в религиозной сфере является “религиозная неграмотность населения”. Так считает 43,5 % респондентов (428). Второй по значимости причиной, по мнению респондентов, является “присутствие и деятельность радикальных и экстремистских религиозных организаций” – 41,2 % (405); третьей – “негативное влияние интернет-ресурсов” – 35,4 % (348); четвертой – “политическую нестабильность” – 35,1 % (345); пятой – “экономический кризис (безработица)” – 31,3 % (308); шестой – “некомпетентность духовных служителей” – 19,5 % (192); седьмой – “нарушение прав человека” – 17,2 % (169); восьмой – “социальную несправедливость” – 16,2 % (159); девятой – “семейное воспитание и влияние родителей” – 12,8 % (126); десятой – “недоверие к государству” – 10,7 % (105); одиннадцатой – “подмена светских ценностей религиозными” – 7,4 % (73).

Следующим был поставлен вопрос о внешних причинах экстремизма. Наибольшее число респондентов – 42,1 % (487) считают, что основной внешней причиной экстремизма является “слабый контроль за международными религиозными сайтами”; “влияние зарубежных религиозных течений” – 31,9 % (369); “выпускники зарубежных религиозных образовательных учреждений (Пакистан, Саудовская Аравия и др.) являются носителями идей религиозного радикализма” – 31,8 % (368); “ввоз и распространение зарубежной религиозной литературы” – 30,6 % (354); “наличие в КР радикальных зарубежных религиозных организаций” – 22,8 % (264); “безвизовый режим с рядом западных стран” – 20 % (231); “распространение зарубежных религиозных ценностей, образа жизни” – 19,1% (221); “безвизовый режим с восточными странами: Катаром, Турцией, Объединенными Арабскими эмиратами” – 18,3 % (212); “граждане, вернувшиеся из зарубежья” – 13,6% (157).

Отношение и оценка внутренних и внешних причин экстремизма были дополнены и углублены материалами экспертного интервью и ФГД. К внешним причинам радикализма и экстремизма все респонденты из целевой группы “правоохранительные органы” относят в основном: деятельность зарубежных миссионеров; учебу наших граждан в зарубежных религиозных вузах (Саудовской Аравии, Пакистане, где они попадают под влияние радикальных идей); трудовых мигрантов, которые оказались под влиянием радикалов в Турции, в Российской Федерации и были завербованы (Инт. 20).

Таким образом, оценка факторов и причин радикализации в религиозной сфере выводится людьми из проблем, которые существуют в регионах и с которыми больше всего сталкиваются.

Ношение хиджаба и мусульманской бороды больше всего волнует жителей северных регионов, которые только за последние годы стали активно практиковать религиозную одежду в отличие от южных регионов, в которых практика религиозной одежды не вызывает такой тревоги, как на севере страны. Переход в другую религию воспринимается как проявление радикализации в религиозной сфере в основном на юге страны, традиционно считающимся более исламизированным регионом.

Эти тенденции показывают разноплановость процессов восприятия экстремизма в регионах. В целом при выявлении причин экстремизма были выделены четыре главных фактора: 1) религиозная неграмотность населения, 2) присутствие и деятельность радикальных и экстремистских религиозных организаций, 3) негативное влияние интернет-ресурсов и 4) политическая нестабильность.

Сюда также можно отнести такие факторы, как некомпетентность духовных служителей, социальная несправедливость, нарушение прав, недоверие к государственной власти, что, безусловно, говорит о необходимости рассмотрения причин экстремизма в комплексе.

Литература

1. *Бенлиян А.* Индекс террора / А. Бенлиян // Вечерний Бишкек, 2015. 04.12.
2. *Ларин И.* Обойдет ли сирийский пожар центральноазиатскую “улицу”? / И. Ларин. URL: <http://mitmeurasia.org/news--2015-10-31--obojdet-li-si-gijskij-pozhar-centralnoaziatskuju-ulicu-20340>. 05.12.2015.13:20; *Назарова Г.* Либерализм принес Кыргызстану всплеск радикальных, экстремистских и религиозных течений / Г. Назарова, Т. Какчекеев. URL: <http://catoday.org/centralnoaziatskuju-ulicu-20340>
3. *Абдуваитова А.* Новый парламент должен поднять вопросы безопасности / А. Абдуваитова. URL: http://www.vb.kg/doc/327342_artyr_medetbekov:_novyy_parlament_doljen_podniat_voprosy_bezопасности.html. 05.12.2015, 12:36.
4. *Муллоджанов П.* Имеет ли место радикализация ислама в ЦА? / П. Муллоджанов // Религиозная радикализация в Центральной Азии: мифы и реальность. Материалы региональной конференции. Бишкек, 7–8 декабря 2015.
5. *Элебаева А.Б.* Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике: социологическое исследование / А.Б. Элебаева, Н.С. Эсенаманова, З.Д. Чотаев. Бишкек, 2016. 205 с.